

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

СОСНАВЕ
СЪМОНОВА

Михаил Юрьевич Лермонтов

Последний сын вольности
(Поэмы)

Содержание

1.....	0005
2.....	0006
*	0007
Песнь Ингелота.....	0012
1.....	0012
2.....	0012
3.....	0013
4.....	0013
5.....	0014
6.....	0014
7.....	0015
8.....	0015
9.....	0016
*	0017
*	0022
*	0032
*	0044
Примечания.....	0045

Михаил Юрьевич Лермонтов
Последний сын вольности
(повесть)

Посвящается (Н. С. Шеншину)

*Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой меч-
той;
Бывало, я любовью страдал,
И, с бурною пылающей душой,
Я в ветренных стихах изображал
Таинственных видений милый
рой.
Но дни надежд ко мне не придут
вновь,
Но изменила первая любовь!..*

2

*И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей – и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой при-
вет
Завязку снял с обманутых очей.
Прими ж, товарищ, дружеский
обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может,
милый друг, —
Оборванной струны последний
звук!..*

*When shall such hero live again?
The Ciaour. Byron[1]*

*Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретить зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на берегах
Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед, и вьются над водой,
И звезды ночью не блестят,
Одетые сырою мглой.*

*Приходит осень! уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея догорает день
В тумане. Пусть он никогда*

Не озарит лучом своим
Густой новгородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! пред властью чужой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! дерзостный варяг
Богов славянских победил;
Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!
Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнании дальнем и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны:
Так, меж грядями темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.

На небо дым валит столбом!
Откуда он? Там, где шумит
Поток сердитый, над холмом,
Треща, большой огонь горит,
Пестреет частый лес кругом.
На волчьих кожах, без щитов,
Сидят недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,
Как тени грусти, семь бойцов:
Шесть юношей – один старик.
Они славяне! – бранный клик
Своих дружин им не слышать,
И долго, долго не видать
Им милых ближних... но они
Простились с озером родным,
Чтоб не промчались их дни
Под самовластием чужим,
Чтоб не склоняться вечно в прах,
Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упреком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..
О! если б только Чернобог
Удару мщениа помог!..
Не равная была борьба...
И вот война! и вот судьба!..

«Зачем я меч свой вынимал,
И душу веселила кровь? —

Один из юношей сказал. —
Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенье, может быть;
И несвершенный подвиг наш
Изгладится в умах людей:
Так недостроенный шалаш
Разносит буйный вихрь степей!»
«О! горе нам, — сказал другой, —
Велик, ужасен гнев богов!
Но пусть и на главу врагов
Спадет он гибельной звездой,
Пусть в битве страх обьмет их,
Пуускай падут от стрел своих!»

Так говорили меж собой
Изгнанники. Вот встал один...
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и, наконец,
Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук,
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.

Пой для других! моя же месть
Их детской жалобы сильней:
Что было, будет и что есть,
Всё упадет перед ней!»

«Вадим! – старик ему в ответ, —
Зачем не для тебя?.. иль нет!
Не надо! что ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»

И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,
И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленный гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,
Склонясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой!

Песнь Ингелота

1

*Собралися люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршу-
ном!
Но, махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:*

2

*«Ах, вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» —
Так сказал и умер Гостомысл.*

3

*Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских
стран.
«Край наш славен – но порядка
нет!»
Говорят послы князьям чужим.*

4

*Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман мор-
ской!..*

5

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

6

Тридцать юношей собираются,
Мечь в душе, в глазах отчаянье...
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!

7

*На щиты склоняясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг – но что за громкий
звук?
Чье копьё ударилось о щит?*

8

*И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть оста-
лось.
Мир костям убитых в поле том!*

*Княжит Рурик в Новгороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой —
Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!*

«Ужель мы только будем петь,
Иль с безнадежием немым
На стыд отечества глядеть,
Друзья мои? – спросил Вадим. —
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и в последний раз:
Не буду у варяжских ног,
Иль он, иль я: один из нас
Падет! в пример другим падет!..
Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» – Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор,
И страшно взгляд его блеснул,
И темнокрасный метеор
Из тучи в тучу пролетел!

И встали, и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой
На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов
И ласточек на вышине!..

Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,
Как дух недвижима, глядит
Туда, где небосклон горит.

Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых! —
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.
И в той ладье Вадим стоял
Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре
том
Изобразилось то, о чем

Пересказать почти нельзя.
Так удалялася ладья,
Оставляя пены белый след;
Всё мрачен в ней стоял Вадим;
Воспоминаньем прежних лет,
Быть может, витязь был то-
мим...

В какой далекий край они
Отправились, чего искать?
Кто может это рассказать?
Их нет. – Бегут толпою дни!..

На вышине скалы крутой
Растет порой цветок молодой:
И в сердце грозного бойца
Любви есть место. До конца
Он верен чувству одному,
Как верен слову своему.
Вадим любил. Кто не любил?
Кто, вечно следуя уму,
Врожденный голос заглушил?
Как моря вид, как вид степей,
Любовь дика в стране моей...

Прекрасна Леда, как звезда
На небе утреннем. Она
Свежа, как южная весна,
И, как пустынный цвет, горда.

Как песня юности, жива,
Как птица вольности, резва,
Как воспоминание детей,
Мила и грустию своей
Младая Леда. И Вадим
Любил. Но был ли он любим?..
Нет! равнодушной Леды взор
Презренья холод оковал:
Отвергнут витязь; но с тех пор
Он всё любил, он всё страдал.
До униженья, до мольбы
Он не хотел себя склонить;
Мог презирать удар судьбы
И мог об нем не говорить.
Желал он на другой предмет
Излить огонь страстей своих;
Но память, слезы многих лет!..
Кто устоит противу них?
И рана, легкая сперва,
Была всё глубже день со днем,
И утешения слова
Встречал он с пасмурным челом.
Свобода, мщенье и любовь,
Всё вдруг в нем волновало кровь;
Старался часто Ингелот
Тревожить пыл его страстей
И полагал, что в них найдет
Он пользу родины своей.

Я не виню тебя, старик!
Ты славянин: суров и дик,
Но и под этой пеленой
Ты воспитал огонь святой!..
Когда на челноке Вадим
Помчался по волнам морским,
То показал во взоре он
Души глубокую тоску,
Но ни один прощальный стон
Он не поверил ветерку,
И ни единая слеза
Не отуманила глаза.
И он покинул край родной,
Где игры детства, как могли,
Ему веселье принесли
И где лукавою толпой
Его надежды обошли,
И в мире может только месть
Опять назад его привести!

Зима серебристой пеленой
Одела горы и луга. Князь
Рурик с силой боевой
Пошел недавно на врага.
Глубоки ранние снега;
На сучьях иней. Звучный лед
Сковал поверхность гладких вод.
Стадами волки по ночам
Подходят к тихим деревьям:
Трещит мороз. Шумит метель:
Вершиною качает ель.
С полнеба день на степь глядит
И за туман уйти спешит,
И путник посреди полей
Неверный тщетно ищет путь;
Ему не зреть своих друзей,
Ему холодным сном заснуть,
И должен сгнить в чужих снегах
Его непогребенный прах!..

Откуда зарево блестит?
Не град враждебный ли горит?
Тот город Руриком зажжен.
Но скоро ль возвратится он
С богатой данью? скоро ль меч
Князь вложит в мирные ножны?

*И не пора ль ему пресечь
Зловещий, буйный клик войны?*

*Ночь. Темен зимний небосклон.
В Новгороде глубокий сон,
И всё объято тишиной;
Лишь лай домашних псов порой
Набегом ветра принесен.
И только в хижине одной
Лучина поздняя горит;
И Леда перед ней сидит
Одна; немолчное давно
Прядет, гудёт веретено
В ее руке. Старуха мать
Над снегом вышла погадать.
И, наконец, она вошла:
Морщины бледного чела
И скорый, хитрый взгляд очей,
Всё ужасом дышало в ней.
В движеньи судорожном рук
Видна душевная борьба.
Ужель бедой грозит судьба?
Ужели ряд жестоких мук
Искусством тайным эту ночь
В грядущем видела она?
Трепещет и не смеет дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама в себя погружена.*

Пока петух не прокричал,
Старухи бред и чудный стон
Дремоту Леды прерывал,
И краткий сон был ей не в сон!..
И поутру перед окном
Приметили широкий круг,
И снег был весь истоптан в нем,
И долго в городе о том
Ходил тогда недобрый слух.

.....
.....

Шесть раз менялася луна;
Давно окончена война.
Князь Рурик и его вожди
Спокойно ждут, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлет на белые снега,
Когда печальные луга
Покроют пестрые цветы,
Когда над озером кусты
Позеленеют, и струи
Заблещут пеной молодой,
И в роще Лады в час ночной
Затянут песню соловьи.
Тогда опять поднимут меч,
И кровь соседей станет течь,

*И зарево, как метеор,
На тучах испугает взор.*

*Надеждою обольщена,
Вотще душа славян ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Их заговоры, их слова
Варяг-властитель презирал;
Все их законы, все права,
Казалось, он пренебрегал.
Своей дружиной окружен,
Перед народ являлся он;
Свои победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глупою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...*

*И праздник Лады настает:
Повсюду радость! как весной
Из улья мчится шумный рой,
Так в рошу близкую народ
Из Новагорода идет.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов*

Уж раздались на берегах
Ильменя синего. Любовь
Под тенью липовых ветвей
Скрывается от глаз людей.
С досадою, нахмуря бровь,
На игры юношей глядеть
Старик не смеет. Седина
Ему не запрещает петь
Про Диди-Ладо. Вот луна
Явилась, будто шар золотой,
Над рощей темной и густой;
Она была тиха, ясна
Как сердце Леды в этот час...
Но отчего в четвертый раз
Князь Рурик, к липе прислонен,
С нее не сводит светлых глаз?
Какою думой занят он?
Зачем лишь этот хоровод
Его внимание влечет?..

Страшишься, невинная душа!
Страшишься! Пылкий этот взор,
Желаньем, страстию дыша,
Тебя погубит; и позор
Подавит голову твою;
Страшишься, как гибели своей,
Чтобы не молвил он: «люблю!»
Опасен яд его речей.

Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Беду вечною грозит;
Насытит первую лишь кровь,
Вторую лишь девичий стыд.

У закоптелого окна
Сидит волшебница одна
И ждет молоденькую дочь.
Но Леды нет. Как быть? – Уж
ночь;
Сияет в облаках луна!..
Толпа проходит за толпой
Перед окном. Недвижный взгляд
Старухи полон тишиной,
И беспокойства не горят
На ледяных ее чертах;
Но тайны чудной налегло
Клеймо на бледное чело,
И вид ее вселяет страх.
Она с луны не сводит глаз.
Бежит за часом скучный час!..

И вот у двери слышен стук,
И быстро Леда входит вдруг
И падает к ее ногам:
Власы катятся по плечам,
Испугом взор ее блестит.

«Погибла! – дева говорит, —
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь...
Проклятье на него! злодей...
Наш князь!.. Мои мольбы, мой
стон
Презрительно отвергнул он!
О! ты о мне хоть пожалей,
Мать! мать!.. убей меня!.. убей!..»

«Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним», —
Старуха отвечает ей.
И встала бедная, и тих
Отчаянный казался взор,
И удалилась. И с тех пор
Не вылетал из уст младых
Печальный ропот иль укор.

Всегда с поникшей головой,
Стыдом томима и тоской,
На отуманенный Ильмень
Смотрела Леда целый день
С береговых высоких скал.
Никто ее не узнавал:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нет,
На щеки страшно и взглянуть:

Бледны, как утра первый свет.
Она увяла в цвете лет!..

С жестокой радостью детей
Смеются девушки над ней,
И мать сердито гонит прочь;
Она одна и день и ночь.
Так колос на поле пустом,
Забит неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,
И буря гнет мой колосок!..

И раз в туманный, серый день
Пропала дева. Ночи тень
Прошла; еще заря пришла —
Но что ж? заря не привела
Домой красавицу мою.
Никто не знал во всем краю,
Куда сокрылася она;
И смерть, как жизнь ее, темна!..

Жалели юноши об ней,
Проклятья тайные неслись
К властителю; ах! не нашлись
В их душах чувства прежних дней
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть.
Но на земле еще была

Одна рука, чтоб отомстить,
И было сердце, где убить
Любви чужбина не могла!..

Пока надежды слабой свет
Не вовсе тучами одет,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можем позабыть
Хоть в половину, хоть на миг
Измены, страсти лет былых,
Как мы любили в те года,
Как сердце билось тогда,
Пока мы можем как-нибудь
От страшной цели отвернуть
Не вовсе углубленный ум,
Как много ядовитых дум
Боятся потревожить нас! —
Но есть неизбежный час...
И поздно или рано он
Разрушит жизни сладкий сон,
Завесу с прошлого стащит
И всё в грядущем отравит;
Осветит бездну пустоты,
И нас (хоть будет тяжело)
Презреть заставит, нам на зло,
Правдоподобные мечты;

И с этих пориной обман
Душевных не излечит ран!
Высокий дуб, краса холмов,
Перед явлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрыт короной листовой,
И зеленея в жаркий день
Прохладную он стелет тень,
И буря вокруг него шумит,
Но великана не свалит;
Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежую толпой
Он не оденется вовек...
Ему подобен человек!..

Светает – побелел восход
И озарил вершины гор,
И стал синеть безмолвный бор.
На зеркало недвижных вод
Ложится тень от берегов;
И над болотом, меж кустов,
Огни блудящие спешат
Укрыться от дневных огней;
И птицы озера шумят
Между уютных камышей.
Летит в пустыню черный вран,
И в чашу кроется теперь
С каким-то страхом дикий зверь.
Грядой волнистою туман
Встает между зубчатых скал,
Куда никто не проникал,
Где камни темной пеленой
Уныло кроет мох сырой!..

Взошла заря – зачем? зачем?
Она одно осветит всем:
Она осветит бездну тьмы,
Где гибнем невозвратно мы;
Потери новые людей
Она лукаво озарит,
И сердце каждое лишит

*Всех удовольствий прежних дней,
И сожаленья не возьмет,
И вспоминанья не убьет!..*

*Два путника лесной тропой
Идут под утреннюю мглой
К ущелиям славянских гор:
Заря их привлекает взор,
Играя меж ветвей густых
Берез и сосен вековых.
Один еще во цвете лет,
Другой, старик, и худ и сед.
На них одежды чуждых стран.
На младшем с стрелами колчан
И лук, и ржавчиной покрыт
Его шишак, и меч звенит
На нем, тяжелых мук бразды
И битв давнишние следы
Хранит его чело, но взгляд
И все движенья говорят,
Что не погас огонь святой
Под сей кольчугой боевой...
Их вид суров, и шаг их скор,
И полон грусти разговор:*

*«Прошу тебя, не уменьшай
Восторг души моей! Опять
Я здесь, опять родимый край*

Сужден изгнанника принять;
Опять, как алая заря,
Надежда веселит меня;
И я увижу милый кров,
Где длился пир моих отцов,
Где я мечом играть любил,
Хоть меч был свыше детских сил.
Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал,
Когда бы не твои слова.
Старик! где ж замыслы твои?
Ты зрел ли, как легли в крови
Сыны свободные славян
На берегу далеких стран?
Чужой народ нам не помог,
Он принял правду за предлог,
Гостей врагами почитал.
Старик! старик! кто б отгадал.
Что прах друзей моих уснет
В земле безвестной и чужой,
Что под небесной синевой
Один Вадим да Ингелот
На сердце будут сохранять
Старинной вольности любовь,
Что им одним лишь увидать
Дано свою отчизну вновь?..
Но что ж?.. быть может, наша

весть
Не извлечет слезы из глаз,
Которые увидят нас,
Быть может, праведную месть
Судьба обманет в третий раз!..»

Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил
По диким соснам и камням
И по туманным небесам.
«Пусть так! – старик ему в от-
вет, —

Но через много, много лет
Всё будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край
Не размышляя пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему – и подражай!»
С улыбкой горькою боец
Спешил от старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила как свинец;
Он вспомнил о любви своей,
Невольно сердце потряслось,
И всё волнение страстей

Из бледных уст бы излилось,
Когда бы не боялся он,
Что вместо речи только стон
Молчанье возмутит кругом;
И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал.

Идут – и видят вдруг курган
Сквозь синий утренний туман;
Шиповник и репей кругом,
И что-то белое на нем
Недвижимо в траве лежит.
И дикий коршун тут сидит,
Как дух лесов, на пне большом —
То отлетит, то подлетит;
И вдруг, приметив меж дерев
Вдали нежданных пришлецов,
Он приподнялся на ногах,
Махнул крылом и полетел,
И, уменьшаясь в облаках,
Как лодка на море, чернел!..

На том холме в траве густой
Бездушный, хладный труп лежал,
Одетый белой пеленой;
Пустыни ветер ее срывал,
Кудрями длинными играл,

И даже не боялся дуть
На эту девственную грудь,
Которая была белей,
Была нежней и холодней,
Чем снег зимы. Закрытый взгляд
Жестокой смертию объят,
И несравненная рука
Уж посинела и жестка...

И к мертвой подошел Вадим...
Но что за перемена с ним? —
Затрясся, побледнел, упал...
И раздался меж ближних скал
Какой-то длинный крик иль
стон...
Похож был на последний он!
И кто бы крик сей услышал,
Наверно б сам в себе сказал,
Что сердца лучшая струна
В минуту эту порвана!..
О! если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;
Но месть любовь превозмогла.
Он долго на земле лежал
И странные слова шептал,
И только мог понять старик,
Что то родной его язык.

И наконец страдалец встал.
«Не всё ль я вынес? – он сказал, —
О, Ингелот! любил ли ты?
Взгляни на бледные черты
Умершей Леды... посмотри...
Скажи... иль нет! не говори...
Свершилось! я на месть иду,
Я в мире ничего не жду:
Здесь я нашел, здесь погубил
Всё, что искал, всё, что любил!..»
И меч спешит он обнажить
И начал им могилу рыть.
Старик невольно испустил
Тяжелый сожаленья вздох,
И безнадежному помог.
Готов уж смерти тесный дом,
И дерн готов, и камень тут;
И бедной Леды труп кладут
В сырую яму... И потом
Ее засыпали землей,
И дерн покрыл ее сырой,
И камень положен над ним.
Без дум, без трепета, без слез
Последний долг свершил Вадим,
И этот день, как легкий дым,
Надежду и любовь унес.
Он стал на свете сирота.
Душа его была пуста.

Он сел на камень гробовой
И по челу провел рукой;
Но грусть ужасный властелин:
С чела не сгладил он морщин!
Но сердце билось опять —
И он не мог его унять!..

«Девушка! мир твоим костям! —
Промолвил тихо Ингелот, —
Одна лишь цель богами нам
Дана – и каждый к ней придет,
И жалок, и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? – мы все его рабы!»

И оба встали и пошли,
И скрылись в голубой дали!..

Горит на небе ясный день,
Бегут золотые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен как стекло Ильмень.
Из Новгорода народ
Тесняся на берег идет.
Там есть возвышенный курган;
На нем священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет

Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет;
Но лишь недавно князь пред ним
Склонен с почетом немым.
Толпой варягов окружен,
На жертву предлагает он
Добычу счастливой войны.
Песнь раздалась в честь богов;
И груди пышные даров
На холм святой положены!..

Рассыпались толпы людей;
Зажглися пни, и пир шумит,
И Рурик весело сидит
Между седых своих вождей!..
Но что за крик? откуда он?
Кто этот воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?
Кто для погибели рожден?..
В своем заржавом шишаке
Предстал Вадим – булат в руке,
Как змеи кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.
«Варяг! – сказал он, – выходи!
Свободное в моей груди
Трепещет сердце... испытай,
Сверши злодейство до конца;
Паденье одного бойца

Не может погубить мой край:
И так уж он у ног чужих,
Забыв победы дней былых!..
Новгородцы! обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастье принес...
Не требует свобода слез!»

И он мечом своим взмахнул, —
И меч как молния сверкнул;
И речь все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..
Вскочил надменный буйный князь
И мрачно также вынул меч,
Известный в буре грозных сеч;
Вскочил – и битва началась.
Кипя, с оружием своим,
На князя кинулся Вадим;
Так, над пучиной бурных вод,
На легкий чёлн бежит волна —
И – сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.

И долго билися они,
И долго ожиданья страх
Блестел у зрителей в глазах, —
Но витязя молодого дни
Уж сочтены на небесах!..

Дружины радостно шумят,
И бросил князь довольный взгляд:
Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал.
Он пал в крови, и пал один —
Последний вольный славянин!

—

Когда росистой ночи мгла
На холмы темные легла,
Когда на небе чередой
Являлись звезды, и луной
Сребрилась в озере струя,
Через туманные поля
Охотник поздний проходил
И вот что после говорил,
Сидя с женой, между друзей,
Перед лачугою своей:
«Мне чудилось, что за холмом
Согнувшись человек стоял,
С трудом кого-то поднимал:
Власы белели над челом;
И, что-то на плеча взвалив,
Пошел – и показалось мне,
Что труп чернелся на спине

У старика. Поворотив
С своей дороги, при луне
Я видел: в недалекий лес
Спешил с своею ношей он,
И наконец совсем исчез,
Как перед утром лживый сон!..»

Над озером видал ли ты,
Жилец простой окрестных сел,
Скалу огромной высоты,
У ног ее зеленый дол?
Уныло желтые цветы
Да можжевельника кусты
Забыты ветрами растут
В тени сырой. Два камня тут,
Увявши в землю, из травы
Являют серые главы:
Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыв славянскою страной,
Свободы витязь молодой.

*

*A tale of the times of old!..
The deeds of days of other years!..[2]*

Примечания

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, Оп. 1, № 46, 18 лл. В посвящении имя Н. С. Шеншина заключено в скобки.

Впервые опубликовано в газете «Русск. слово» (1910, № 65, 20 марта) и одновременно в Соч. изд. Академической библиотеки (т. I, 1910, стр. 225—253).

Датируется предположительно первой половиной 1831 года. Ранее 1830 года поэма не могла быть написана, так как в ней имеется реминисценция из VII главы «Евгения Онегина» (стих «С руками, сжатыми крестом»), вышедшей в свет в марте 1830 года. Эта же строка Пушкина повторена в стихотворении Лермонтова «Наполеон», написанном в марте—апреле того же 1830 года. Не могла быть написана поэма и позднее 1831 года, так как в конце тетради, вслед за поэмой приписано стихотворение «Романс к И...», датированное 1831 годом.

Вадим Храбрый упоминается в Никоновской летописи, где сказано, что вместе со своими сподвижниками он погиб от руки Рюри-

ка, защищая независимость Новгорода. Вадиму посвящен ряд вольнолюбивых произведений, начиная со второй половины XVIII века; для декабристов он служил символом борьбы за политическую свободу. В поэме отсутствуют явные реминисценции из декабристской поэзии и нет оснований утверждать, что Лермонтов был знаком со списками этих произведений, не напечатанных при его жизни, однако трактовка образа Вадима как борца за вольность народную и характеристика эпохи в поэме Лермонтова по своим освободительным устремлениям находились в тесной зависимости от идей передовой литературы века.

Николай Семенович Шеншин, в автографе Шиншин (1813—1835), которому посвящена поэма, — друг Лермонтова университетской поры, поступивший одновременно с ним в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Эпиграф — из поэмы Байрона «Гяур», стих 6. Заметна некоторая связь поэмы с повестью Карамзина «Марфа Посадница».

Стих «Так спой же, добрый Ингелот». Инге-

лот – имя, встречающееся у Карамзина в «Истории Государства Российского». В тексте договора с греками в числе подписей русских послов стоит имя Ингелота.

Стихи «Он всё любил, он всё страдал.» и «Но память, слезы многих лет!.. Кто устоит противу них?» с незначительными изменениями перенесены из стихотворения Лермонтова «Ночь» Заключительная цитата взята из поэмы Оссиана «Картон».

Сноски

1

*Когда такой герой будет жить
вновь?*

Гяур. Байрон. (Англ.)

[^^^]

2

*Сказанье седых времен!..
Деянья прежних лет и дней!..*

(АНГЛ.)

[^^^]